

Рафаэль Монтес
Илана Касой

Б Е З М О Л В Н Ы Е
У З Н И Ц Ы

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.134.3-312.4(81)
ББК 84(7Бра)-44
М77

Raphael Montes & Ilana Casoy
BOM DIA, VERONICA
© 2016 by Raphael Montes & Ilana Casoy
Published in agreement with Agência Riff, Rio de Janeiro

Монтес, Рафаэль.

М77 Безмолвные узницы / Рафаэль Монтес, Илана Касой ; [перевод с португальского И. Пивоваровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-190109-7

Вероника Торрес ведет ничем не примечательную жизнь секретаря в полицейском департаменте. Она не участвует в расследованиях, но жаждет оказаться «в поле». И такой случай ей представляется в день, когда на ее глазах женщина с изуродованным ртом прыгает из окна участка. Вероника никак не может забыть последние слова несчастной: «Теперь он полюбит меня». Системе нет никакого дела до самоубийства, поэтому Вероника берет правосудие в свои руки.

Жанета идеальная жена. Ее главное призвание — заботиться о муже и во всем подчиняться ему. Даже если то, что он просит, — ужасно. Жанета покорно ищет ему новых жертв, безропотно следует за ним в его особое место, надевает коробку на голову и слушает... Она помнит крики из темноты и знает: когда-нибудь муж обязательно убьет и ее. Единственный шанс на спасение — та женщина-полицейский из новостей, расследующая самоубийство. Только она сможет понять Жанету.

УДК 821.134.3-312.4(81)
ББК 84(7Бра)-44

© Пивоварова И., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190109-7

Андреа Киллмор
Безмолвные узницы

*«У тебя же, когда творишь милостыню,
пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»*

Евангелие от Матфея, 6:3

1

Этот день стал первым днем конца моей жизни. Конечно, я еще не знала этого, когда утром, открыв глаза, поняла, что опаздываю. На прошлой неделе босс устроил мне небольшую взбучку из-за того, что я проспала, он считал абсурдным приходить позже него. Мне не хотелось вновь выслушивать стариковский бред, поэтому я стремительно напялила первую попавшуюся черную одежду, нацепила браслеты на левую руку (по сей день не появляюсь без них) и захлопнула дверь квартиры, не выпив кофе или чего-нибудь в таком духе, только тяжеленную сумку с собой прихватила.

Даже при том, что я жила в нескольких километрах от здания Департамента по расследованию убийств и защите личности (ДРУ), это не помогло — в Сан-Паулу¹ царили пробки. Я прибыла в полицейский участок спустя 45 минут, едва не полетев с высоких каблучков.

— С добрым утром, Вероника! — крикнули мне на входе, и я ответила привычным жестом. По утрам я несколько раздражительна и не склонна к общению.

¹ С а н - П а у л у — город на юго-востоке Бразилии, крупный финансовый центр, один из густонаселенных городов мира.

А потому лишь слегка улыбнулась — ровно настолько, чтобы меня не назвали букой. Когда лифт поднялся на 11-й этаж, я ощутила, как урчит в животе, и прикинула, сколько калорий могу себе позволить сегодня. Очень и очень мало. Поверьте: 38-летней женщине не просто жить с лишним весом. И как будто этого недостаточно: понедельники, как правило, становятся еще хуже, когда чувствуешь вину за то, что расслабилась в выходные. Бросив сумку на стол, я заглянула в кабинет шефа. Старик уже пришел, но дверь была закрыта, а жалюзи опущены. Послание понятно: «Не беспокоить». Карвана устанавливал правила, я им подчинялась. Ему нравилась эта мелкая власть: командовать мною, а меня же привлекало то, что в действительности я так, по-женски, незаметно его контролировала.

После того как несколько лет занимаешь должность секретаря в гражданской полиции штата Сан-Паулу, начинаешь понимать преимущества быть невидимкой. Люди на тебя не смотрят. Они стремительно минуют твой стол, занятые своими делами и собственными проблемами, просят одолжить степлер, интересуются новостями, мимоходом спрашивают «как ты?», не ожидая иного ответа, кроме как «все в порядке», комментируют прошедший футбольный матч. Но никто из них — слышите, никто — на самом деле тебя не замечает. Ты невидимка.

— С добрым утром, Вероника, — бросил кто-то, проходя мимо моего стола. Я не ответила. Гораздо больше меня заботил холодильник на кухне. Прямо у дверцы обнаружили два киндина¹, оставшие-

¹ К и н д и н — популярный бразильский десерт, который готовят из сахара, яичных желтков и молотого кокоса. По консистенции напоминает густой крем (здесь и далее — прим. пер.).

ся после празднования чьего-то дня рождения. Смирившись, я выбрала светлое желе. Пережевывая эту клубничную гадость, я вернулась к столу, предвкушая грядущую неделю: вязкую, с привкусом бюрократии, с кучей запросов и депеш, ожидавших меня. Я подумывала проверить чаты в Вотсаппе, но на поиски телефона потребовалось столько времени, что я решила для начала бросить вызов хаосу в сумке.

Муж шутил, что там прячется вся моя жизнь: меняя сумку, я ничего не делаю с беспорядком. Мои мечты, страхи, тщеславные помыслы закрыты на молнию. Мне нравится этот образ, и теперь я думаю, что, возможно, он прав: вес сумки — доказательство того, что жизнь — нелегкая штука. Можно подумать, я храню в ней труп.

Перевернув сумку вверх дном над столом, я положила ее на колени и приступила к «уборке».

— С добрым утром, Вероника, — сказала девушка-невидимка, каждый день предлагающая мне кофе. Я не знала, как ее зовут, и уверена — мое имя ей известно только благодаря табличке на столе. Вскинув голову, я улыбнулась девушке и вернулась к своей миссии. Скопившиеся квитанции: мусор. Листовки: ерунда. Остатки фантиков и жвачки: мусор. Я обнаружила потерявшуюся несколько дней назад нюдовую помаду и убрала на место презервативы, которые всегда носила в бумажнике. Расположила денежные купюры «лицом» в одну сторону и добавила к ним еще одну, выуженную из косметички.

Понятия не имею, как долго я занималась этой уборкой. По ощущениям, всего несколько минут, но возможно, и полчаса. Все, что могу сказать — я совершенно не обратила внимания, как дверь в кабинет

Карваны внезапно открылась, и оттуда вышла очень худая женщина, вся в слезах. Помню, я безучастно посмотрела на Карвану. Он сдержанно просигнализировал: «Позаботься о ней ради меня». Как всегда. Старик был бессердечным мудаком, это факт.

Женщина съежилась в углу возле кофемашины, которая всегда была на грани поломки. Она сильно дрожала, вся растрепанная и поникшая. Она тоже была на грани поломки. Когда я подошла ближе, женщина подняла голову, и я смогла рассмотреть ее лицо. Но не увидела ничего, кроме ужасного, израненного рта. Губы были опухшими, красными, гноящимися. Мне все же удалось отвлечься от искаженного рта и заглянуть женщине в глаза. Мне нравится смотреть людям в глаза.

Позже я узнала, что ее зовут Марта Кампос. Позже я узнала все о ее жизни. Больше, чем она могла себе представить. Но в тот момент мне ничего не было известно, и все же я остро чувствовала, что мы с ней связаны, ощущала сострадание к женщине с отвратительным ртом. Теперь я понимаю причину. Для Марты я не была невидимкой. В тот понедельник, в день начала конца моей жизни, она стала первым человеком, который действительно пожелал мне «доброго утра». Пожелал взглядом, глядя на меня, будто в зеркало.

Я попросила Марту успокоиться, завершила ее, что все будет хорошо, и поспешила к холодильнику за стаканом воды. Когда я вернулась, было уже слишком поздно. Может быть, я и допустила ошибку, но что-то мне подсказывает, что я поступила правильно. Замерла, вцепившись в стакан, уважая ее желание — выбор Марты. В нескольких метрах от меня она сняла очки и положила их на мраморный подоконник. Марта

взглянула мне в глаза в последний раз, прежде чем забраться на окно:

— Теперь он меня полюбит, — сказала она между вздохами. Не раздумывая, Марта раскинула руки и откинулась назад всем телом. Я побежала. Клянусь, я рванула к ней. Но добралась до окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как она рухнула вниз после свободного падения с одиннадцатого этажа.

Техника полностью вышла из строя.

2

— Сообщи мне хорошие новости, Веро! — крикнул Карвана, стоило мне войти в его кабинет. Уже стемнело, и я чувствовала себя вымотанной, потной; одежда кололась, волосы липли к затылку и лбу. Войти в кабинет Карваны — все равно что попасть на поле боя, а сам он всегда готов к войне. стакан виски в руке, наполовину опустевшая бутылка на рабочем столе, рядом с небольшой табличкой «Начальник департамента доктор¹ Уилсон Карвана». Я старалась не сильно раздражаться из-за его бесчувственности; за много лет я успела узнать его манеры, показное безразличие, и должна была уже свыкнуться с этим. Но сегодня — не один из любых других вечеров: женщина покончила с собой после того, как больше часа провела в его кабинете, и все, о чем этот старый подонок-полицейский у меня спросил — это хорошие новости. Я знала, что он хотел услышать, и заявила:

¹ Принятое в Бразилии уважительное обращение к старшим (по возрасту, званию или положению), даже если человек при этом не имеет докторской степени.

— Тело только что вывезли в катафалке. Все чисто, босс.

— Наконец-то! — Карвана фальшиво ухмыльнулся и развернулся ко мне. — Ты сделала для меня фото?

Я кивнула, передав ему бюрократические бумажки по этому делу. На первой странице — снимок безжизненного лица Марты Кампос с зияющим гноящимся ртом. Он мельком взглянул на фото и брезгливо швырнул тонкую папку на стол.

— Чертова чокнутая баба! Мой гребаный мобильник разрывается от звонков. Стервятники-журналиги пируют! Там еще много народа?

Вытянув шею так, что голова слегка закружилась, я выглянула в окно. У входа толпилось изрядное количество репортеров и зевак, несмотря на то что тело уже увезли.

— Расслабься, Карвана, это суицид. Прессе такое не слишком-то интересно, — проговорил он, пытаясь снизить значимость события. — Не парься! Эти журналисты охочи до падали. Всего-навсего пересуды! Еще немного — и департамент внутренних дел тоже устроит мне проблемы. А ведь до пенсии мне осталось совсем ничего! Чем я это заслужил?

Ты всегда был большим мудаком, хотелось ответить мне. Но не удалось. Карвана жаждал слышать исключительно себя, он вещал громко и отчетливо, наслаждаясь собственным голосом. Он был эгоцентриком, узаконенным системой. А теперь случилось так, что он попал в ловушку, оказался в затруднительном положении.

Не спрашивая, Карвана налил мне стакан виски и поднял тост, словно празднуя плохой день. Отчаян-

ная попытка подтвердить наше партнерство. Мне хотелось надавать ему по морде.

— Нам нужно согласовать наши версии, — проговорил Карвана, закуривая сигариллу¹. — В департаменте внутренних дел скажем, что Марта была не в себе, постоянно заговаривалась. Глянь на ее физиономию на фото: у нее рот весь в пятнах. Чокнутая, и этого достаточно. Быстренько закроем этот вопрос. Какое тебе дело до этого, Веро?

«Какое тебе дело» — крылатая фраза Карваны, которую он повторял со сдержанной гордостью и отвратительным превосходством. В последнее время старик устранился от менее очевидных расследований, желание докопаться до истины у него пропало, и думать он мог только о том, сколько рыбки наловит в Мату-Гроссу, выйдя на пенсию и избавившись от змеюки-жены.

Мне пришлось вступить в игру, чтобы добиться желаемого. Если достаточно хорошо помассировать его эго, то он прекращал использовать меня в качестве боксерской груши и открывал клюв, сам того не осознавая. Способ заключался в том, чтобы называть его док. Док, от «доктор». Старик ощущал себя героем сериала «C.S.I. Майами», только без солнечных очков.

— Все в порядке, док. Мне нет до этого никакого дела. Но расскажите, что эта «баба» хотела от вас. Она долго просидела в вашем кабинете, но вы даже не позвали меня, чтобы завести дело. Мне любопытно.

— Ох, Веро, не хочу затрагивать эту тему...

Я протянула руку Карване с молчаливой просьбой затянуться сигариллой. Он в курсе, что я не курю, но

¹ С и г а р и л л а — тонкие сигары в виде скрутки табачного листа, начиненные резаным табаком.

ему было важно чувствовать, что я его сообщница, человек, с которым можно разделить и табак, и тревоги. Я вскинула брови, давая понять, что простым отказом говорить от меня не отделаться.

— Черт возьми, док, эта женщина, Марта, покончила с собой у меня на глазах. Расскажите, в чем была ее проблема. Я должна понять, чтобы помочь вам. Она вышла из вашего кабинета вся в слезах.

— Женщины плачут из-за всего, — сказал он, откидываясь на спинку кресла, и выдохнул дым в мою сторону. — Эта Марта хотела подать жалобу. Она из тех женщин, которые становятся тощими тетками, которые плохо питаются и нуждаются во всем. Искала бездельников в интернете на этих сайтах знакомств. Потом, похоже, обзавелась негодяем и решила, что он мужчина ее мечты. Парень какое-то время лгал, занимал деньги, обещая вернуть, и сумел вытянуть из дамочки целое состояние. И я тебя спрашиваю: что я могу с этим поделать? Ее заставляли платить парню? Неа. *Я заигралась в благотворительницу, потому что была лохушкой, и практически платила за то, чтобы меня называли «моя любовь».* И с чего вдруг теперь ты заявила, чтобы подать жалобу и испачкать мой тротуар?

Каждый день я дивилась способности Карваны быть мудаком. Извернувшись, я спросила:

— А что у нее со ртом?

— Сказал же, у нее был этот гребаный парень. Возможно, герпес.

— Значит, они встречались лично?

— Вроде только один раз. После того, как они несколько месяцев общались в интернете, подонок согласился встретиться. Они поужинали, он нажрался

устриц, она одолжила ему денег или еще чего, и — пуф! — парень испарился. После этого рот женщины и стал таким, полностью изувеченным! Ей хотелось, чтобы я нашел мошенника. Я заявил, что не смогу, он уже исчез, а ей стоит жить дальше, залечить рану и забыть об этой истории. В лучшем случае можно было слепить дело из денег, которые исчезли. Я на нее не орал или что-то в этом роде. Ты меня знаешь, Веро, я хороший парень. Сказал, что понимаю ее, уважаю ее позицию и все такое. Вел себя как настоящий джентльмен. И ей надо было покончить с собой в моем участке?

— Женщина была не в себе, док.

— Пришибленная, говорю тебе. Кажется, такие люди делают из меня громоотвод. Этакая женщина-дракон. Появляется принц, говорит все, что она хочет услышать, и просит денег. Что она о себе воображает? Что парня зацепила ее фотка на сайте? Или ее анкета? Это задача для психиатра, а не полиции. Лечение, Веро, вот и все, что им требуется. И хороший трах для спокойствия.

Я выдавила из себя улыбку, соглашаясь с ним. Старик заслужил даже не удар, а целое избиение. Гребаный сексист. Я знала, как трудно любой женщине прийти в полицейский участок и написать заявление, преодолевая стыд, объяснять, как ее выставил идиоткой какой-нибудь сердцеед, клявшийся в любви в интернете. Я думала лишь о том, как Марта, сидя у Карваны, ощутила этот уничижительный тон, это презрение к боли, которую она испытывала. Я понимала, почему бедняжка выпрыгнула из окна.

«Теперь он меня полюбит», — сказала она. И окинула меня последним близоруким взглядом, взывав-